

Алгоритм

Как ответить человеку, который пытается оскорбить или унижить ближнего.

1 Определить функцию. Оскорбление происходит в словесной форме в виде слова или предложения или смысла формируемого словами. Как правило функция при оскорблении – это деформировать систему (ценностей, жизненных устоев, принципов и т.д.)

2 Выявить рабочий орган: слово, словосочетание или смысл информации при помощи которой деформируется система.

3 Сформировать антифункцию с выявленным рабочим органом.

Рабочим органом может быть то же слово или словосочетание, которым пользовался оскорбляющий или смысл, который имел ввиду оскорбивший.

Шаг 1 При формировании антифункции первоначально в распоряжении оказывается только рабочий орган

Шаг 2 Рабочий орган должен деформировать систему (оскорбившего). За счет эффекта неожиданности эта

деформация оказывает большее воздействие на оскорбившего.

4 Найти ресурсы, которые подходят под рабочий орган.

Шаг 1 Ресурсы подсистем (то, что находится «внутри»)

Шаг 2 Ресурсы системы (то, что есть в системе, окружение, одежда, форма, цвета и т.д.)

Шаг 3 Ресурсы надсистемные.

5 . Используя ресурсы и рабочий орган сформировать предложение, которое деформирует систему оскорбившего.

Ниже приведены многочисленные примеры, которые показывают применимость алгоритма в аналогичных ситуациях.

Книга «Остроумие мира»

«Однажды Ришелье был у себя в замке, и все окрестные деревни и местечки послали депутации, чтобы его приветствовать. Между прочим, прибыл также депутат от городка Мирбале, который славился ослиной ярмаркой. В свите кардинала был один дворянин — рыжеволосый мужчина огромного роста, человек грубый и дерзкий и вместе с тем большой льстец и угодник. Ему захотелось позабавить кардинала за счет злополучного депутата из Мирбале, и вот, в то время как этот человек говорил свою приветственную речь, рыжий великан вдруг без церемонии прервал его громким вопросом:

— Почему у вас продавались ослы во время последней ярмарки?

Оратор прервал свою речь, оглядел обидчика и ответил ему:

— Такого роста и такой масти, как ваша милость, продавались по 10 экю.

Затем, как ни в чем не бывало, спокойно продолжал свой спич».

«Кружок враждебных Вольтеру лиц начал распускать слух, что одна из его трагедий, «Альзира», написана не им.

— Я очень желал бы, чтобы так и было на самом деле, — заметил некто, слышавший это.

— Почему же так? — спросили его.

— Потому что тогда у нас было бы одним великим поэтом больше».

«Вольтер высоко ценил ученые труды доктора Галлера. Слыша его похвалы, некий господин, знавший хорошо Галлера, заметил Вольтеру, что Галлер далеко не так одобрительно отзывается о Вольтеровых трудах, как Вольтер о Галлеровых.

— Увы, — ответил Вольтер, — ошибка — удел смертных; может быть, и тут мы оба ошибаемся!»

«Вольтер не ладил с Пироном. Но вот однажды очень удивленный Пирон видит в окно, что к его дому подходит Вольтер и входит в подъезд. Пирон решился принять его по возможности любезно и ждал только звонка, чтобы отворить дверь. Но звонок не раздался, а вместо того послышалось какое-то царапанье, словно бы кто писал на двери. Переждав некоторое время, Пирон отворил дверь и на ее наружной стороне увидел написанные мелом слова весьма неприличного свойства. Пирон решил отомстить. Он сам в парадном туалете явился к Вольтеру как бы с визитом, и когда тот

выразил некоторое изумление по поводу его посещения, Пирон ему сказал:

— В моем посещении нет ничего удивительного: я у себя на двери нашел вашу визитную карточку и поспешил отдать вам визит».

«Гете прогуливался в парке Веймара. На дорожке, где мог пройти лишь один человек, ему встретился критик, который остро критиковал его произведения. Когда они сблизились, критик чванливо сказал:

— Я никогда не уступаю дорогу дуракам!

— А я наоборот, — ответил Гете и, улыбаясь, сделал шаг в сторону».

«Английский король Георг IV затеял против своей супруги Каролины чрезвычайно скандальный процесс по поводу ее супружеской измены. Одним из самых ожесточенных врагов королевы был лорд Клейфорд. Лондонская чернь, сочувствовавшая королеве, была враждебно настроена против ее врагов, и вот однажды, когда Клейфорд попался на глаза бушующей уличной толпе, она остановила его экипаж и с угрозами принуждала его кричать: «Да здравствует королева Каролина!» Видя, что всякое сопротивление будет опасно, он высунулся из кареты и во все горло возопил:

— Да, друзья мои, да здравствует королева Каролина, и пусть все ваши жены станут такие же, как она!»

«Фут путешествовал по Англии и остановился в гостинице пообедать. При расчете хозяин вежливо спросил его, доволен ли он.

— О, я отобедал так, как никто во всей Англии сегодня не обедал! — восторженно вскричал сытый Фут.

— За исключением лорда-мэра! — внушительно поправил хозяин.

— Без всяких исключений! — возразил Фут.

— Извините, милостивый государь, вы должны исключить лорда-мэра!

— Никого я не желаю исключать, даже самого лорда-мэра! — заупрямился Фут.

Слово за слово, спор перешел в ссору, и трактирщик потащил Фута к местному лорду-мэру.

— Господин Фут, — внушал ему мэр, — вы должны знать, что в здешнем городе существует с незапамятных времен обычай всегда и во всем делать исключение для лорда-мэра и всегда об этом упоминать. А чтобы вы тверже запомнили этот обычай, я приговариваю вас к штрафу в один шиллинг или к аресту на пять часов; выбирайте сами, что хотите.

Фут, нечего делать, уплатил штраф, но, выходя из судилища, сказал трактирщику:

— Я не знаю во всем крещеном мире человека глупее этого трактирщика... Разумеется, за исключением лорда-мэра, — добавил он, обращаясь к этому сановнику с поклоном».

«По поводу известного библейского силача Самсона, убившего льва ослиной челюстью, существует несколько анекдотических

рассказов. Приводим один из них. Несколько мальтийских рыцарей беседовали между собой о притеснениях христиан турками и о том, что надо идти на неверных войной. В числе собеседников был один рыцарь, по имени Самсон, человек очень маленького роста и весьма тщедушный на вид. Один из компаньонов, желая над ним пошутить, сказал:

— Что нам бояться турок, когда между нами есть Самсон, который один перебьет целое войско!

Эта выходка вызвала дружный смех. Однако желчный карлик не смутился и тотчас же ответил своему обидчику:

— Конечно, перебью, как библейский Самсон, но только для этого мне нужна ваша челюсть».

«Датский писатель-сказочник Ханс Кристиан Андерсен, по свидетельству современников, не обращал внимания на свой внешний вид и одевался довольно небрежно. Его старый поношенный плащ и помятую шляпу знал весь Копенгаген.

Однажды, когда Андерсен гулял по улицам аккуратного и чопорного Копенгагена, какой-то прохожий бесцеремонно спросил его:

— Скажите, этот жалкий предмет на вашей голове вы называете шляпой?

Андерсен не растерялся, посмотрел на задавшего вопрос и спокойно поинтересовался:

— А этот жалкий предмет под вашей модной шляпой вы называете головой?»

«В молодости немецкий художник Вильгельм Лейбль был пастухом. Много позже в компании художников некто спросил его:

— У вас, кажется, господин художник, была тяжелая деревенская жизнь в молодости?

— Откуда вам известно? — спросил Лейбль.

— Вы пасли овец?

— Совершенно верно.

— Но ведь это, как известно, не очень-то приятное для человека занятие?

— Смотря для кого, — ответил Лейбль. — В моем занятии были и хорошие стороны. С тех пор, например, я научился распознавать бараньи головы с первого взгляда».

«Однажды Марк Твен получил анонимное письмо, в котором было лишь одно слово «Свинья». На следующий день он в своей газете поместил ответ: «Обычно я получаю письма без подписи. Вчера я впервые получил подпись без письма».

«В редактируемой им газете Твен напечатал очень острую статью об одном проходимце. Статья заканчивалась: «Мистер Н. не заслуживает и того, чтобы ему плюнуть в лицо».

Мистер Н., естественно, обиделся и подал на Твена в суд, который постановил, чтобы газета дала опровержение. Выполняя волю суда, Твен напечатал такой текст: «Что касается статьи о мистере Н., помещенной в нашей газете, то мы изменили свое мнение и заявляем: «Неправда, что мистер Н, не заслуживает того, чтобы ему

плюнуть в лицо, наоборот, мистер Н. заслуживает того, чтобы ему плюнуть в лицо».

«Шоу встретился с очень толстым джентльменом. Взглянув на худого Шоу, толстяк сказал:

— У вас такой вид, что можно подумать, будто Англия голодает.

— А посмотрев на вас, — ответил Шоу, — можно подумать, что вы являетесь причиной этого голода».

«Однажды осенью в петергофском парке сидели на траве какие-то молоденькие дамы. Мимо проходил Балакирев, уже старик, седой как лунь.

— Видно, уж на горах снег выпал, — сказала одна из дам, смеясь над его седою головою.

— Конечно, — ответил Балакирев, — коровы уже спустились с гор на травку в долину».

«Один придворный, задетый шутками Балакирева, в раздражении сказал ему:

— Тебе люди, как скоту какому-нибудь, дивятся.

— Неправда, — отвечал Балакирев. — Даже подобные тебе скоты удивляются мне, как человеку».

«Одна престарелая вдова, любя Кульковского, оставила ему после смерти богатую деревню. Но ее молодая племянница начала с ним судебный спор за такой подарок, не по нраву ему доставшийся.

— Вам, сударь, — сказала она в суде, — досталась эта деревня за очень дешевую цену!

Кульковский ей ответил:

— Сударыня, если угодно, я вам ее с удовольствием уступлю за ту же цену».

«Поэт В. К. Тредиаковский, желая поддеть и сконфузить Кульковского, спросил его:

— Какая разница между тобою и дураком?

— Дурак спрашивает, а я отвечаю, — сказал ему на это Кульковский».

«Будучи уже известным ученым, Ломоносов до последних дней испытывал нужду.

Однажды придворный вельможа, заметив у Ломоносова маленькую дыру в кафтане, из которой выглядывала рубаха, ехидно спросил:

— Ученость, сударь, выглядывает оттуда?

— Нисколько, — ответил Ломоносов. — Глупость заглядывает туда».

Из книги Тамберга Ю.Г. Как развить чувство юмора:

«Одному актеру вместе с цветами бросили на сцену охапку сена. Позор!

Но не тут то было!

Артист сказал: «Я благодарю того почитателя, который бросил мне охапку сена. Надо думать, что он действительно любит искусство, так как отдал артисту то, что мог бы съесть сам».